

Розенбаум. Куклы будет делать Андрей Сивбо, питерский художник, энтузиаст кукольных дел, святой человек, он делал маски для «Шелкунчика».

Еще одна моя затея — сделать для «Шелкунчика» новую часть. У Петипа упушена история самого Шелкунчика, он появляется уже деревянной игрушкой. История, рассказанная Дроссельмайером Машеньке, займет весь первый акт, и трехактный «Шелкунчик» будет идти в Мариинке. Музыку написал Сергей Слонимский, с которым мы дружим уже 40 лет, либретто у меня давно готово.

— Могли бы вы по нынешнему Невскому прогуляться во фраке и цилиндре, как о том рассказывают байки?

М. Ш.: Представляете, что такое в шестидесятые годы появиться во фраке и цилиндре — это дурдом, а я там и так побывал.

циями, с перспективой показа на Западе.

Полунин хочет принимать в этом участие, Анвар Либбобов, замечательный актер. Сейчас он с большим успехом выступил в Венеции. Андрей Сивбо сделал по моему эскизу маску и костюм Петрушки, успех был феноменальный. Что он там вытворял, носился, приставал к женщинам, они брали его на колени, хотали... Единственный был костюм, который всех потряс.

— Да неужто там еще можно кого-то потрясти?

М. Ш.: Венецианцы умоляют: Миша, спасай карнавал со своими друзьями. За последние годы лучший перформанс был на босховско-дельартовскую тему: Подушин в костюме Пуччинеллы тащил череп на колесиках, на черепе сидел Антон, играл на флейте и пил вино. Напился и упал с черепа. Но упал так артистично, что народ плакал от восторга.

— Что для вас карнавал?

Екатерина ЦВЕТКОВА

ЧЕРЕП

И ПАЛЬТО

С ОСЕННИМИ ЛИСТЬЯМИ

Когда я был арестован и помещен в психиатрическую больницу, врач, который вел допрос, говорил так: «Вот здесь написано, что вы вышли на Невский в цилиндре и пальто, разрисованном осенними листьями, и играли на скрипке». Я ему пытаюсь логично ответить: «Ну вы же взрослый человек, подумайте сами, сколько я бы мог пройти по Невскому в таком виде, тем более на скрипке я не играю».

А. А.: Но байки это, конечно, такой кайф.

— Антон, как вы оцениваете российский современный танец, вы ведь участвовали в его развитии?

А. А.: То, что молодые ребята азартно изучают технику, танцуют, это очень приятно.

В Берлине, например, 400 странных танцевальных театров, которые занимаются поисками театрального языка движения. При таком выборе легче найти что-то путное.

Наше место, место театра «Дерево», которое мы освоили двенадцать лет назад, до сих пор свободно. Мы никогда не добьемся на Западе такого успеха, какой мы по-прежнему имеем здесь, в России. Но в то же время привезти сюда спектакль очень трудно. Мы в прошлом году на три дня опоздали из-за таможи на «Золотую маску», так все не налажено...

— Михаил, расскажите о проекте «Иван Грозный»

М. Ш.: Это будет средневековая мистерия, смесь оперы, балета, акробатов, уродов, великанов, карликов. Нужна площадка — что-то вроде ледового Дворца спорта.

Пока все упирается в проклятые туррики. Неясно, кто будет спонсировать. Это будет дорогой, но окупаемый спектакль с шикарными и мобильными декора-

М. Ш.: Его нельзя запланировать. Необходимы заводы, и их катастрофически не хватает, да их просто нет. Поэтому, когда мы приезжаем, начинается свистопляска.

А. А.: Россия сама по себе — бесконечный, страшный карнавал. Люди-маски здесь совершенно потрясающие. Но для осуществления радостного и осмысленного карнавала здесь нужны вложения совершенно алские. Как в африканской деревне, с расходами на три новых барабана, здесь не получится.

— Не собираетесь снимать еще какое-нибудь кино, ведь экспериментальный «Юг. Граница» видели немногие...

А. А.: Собираюсь снимать фильм с рабочим названием «Сумерки». История очень простая. Мы как-то были в Мексике, в стороне от широких проторенных дорог. И вдруг в полузаброшенном селе мы видим улицу и площадь с мертвым цирком. Семь часов утра. Мы заходим в этот цирк, старые афиши, тихие коридоры, а на зеркале в гримерке напаранано La Divina. По-итальянски — бестия, женщина, пришедшая с неба, и в то же время отсылка к «Божественной комедии» Данте. Этот мертвый цирк, как будто парящий в воздухе, взявшийся ниоткуда... только переоденся, иди на арену, туда, где покосившиеся барьеры и стгнившие опилки; и я на секунду представил себе фильм про старый цирк, летящий, как планета. С этими вымершими коридорами...

Сценарий я написал, но не хочу делать опять на свои деньги.

М. Ш.: Возвращаясь к институту. Он очень важен для меня. Как до сих пор живут многие русские художники? Делают, чтоб не хуже, чем

на Западе. Это мертвый путь. Американцы тем временем подпитываются нашим искусством 1920-х — Малевичем, Родченко, Эль-Лисицким... Отношение к российскому и изобразительному искусству на сегодняшний день никакое: вот был Малевич, а все, что после, — matryoshki.

А. А.: Сегодня во всем мире в моде скука. Но я думаю, что русским еще есть что сказать. Внутренние духовные запасы здесь очень мощные. Это никуда не денется вообще.

— Сколько можно рассчитывать на мощност внутренних запасов, не прикладывая сил к их пополнению?

А. А.: Я скажу так. Вот я занимаюсь театром тела и языком тела со студентами, а их человек триста в разных странах, из них процентов двадцать — славяне: поляки, русские. После какого-то периода обучения, когда задействуется уже не только тело, но и душевные силы, они стабильно и сильно выделяются. Корни, финансы, происхождение — все это примерно можно сравнить. Но когда вылезает национальная сила — они все же перешибают...

P.S. Спектакли 4-го сезона Адасинского «Однажды» и «Сущий в прогрессии» приезжали на прошлую «Золотую маску», собрали отличную прессу и не получили ничего. Адасинский этому даже рад: значит, он не в мейнстриме, он опит сам по себе. Осенью «Дерево» планирует провести российские гастроли, которые — будем надеяться — станут началом возвращения. Российский современный танец, как и образовательный уровень русских художников, надо поднимать на местах. А как иначе?

Екатерина ВАСЕНИНА

Антон АДАСИНСКИЙ — руководитель театра «Дерево», основоположник российского современного танца (который начался в его рок-шоу для группы «Авиа» 15 лет назад). Некий крупный московский холдинг предложил ему стать координатором всех своих театральных проектов, готов предоставить помещение для репетиций, мастер-классов и спектаклей. В Дрездене, где «Дерево» живет сейчас, все это уже есть, но там нестерпимо скучно, а в России скучно не бывает. Здесь — самостийный карнавал, который так и не отпустил уехавших